

«Будущего нет и не может быть без наук...» (Памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова). М.: Изд-во МГУ, 2005. 727 с.

Я тоже помню Михаила Герасимовича Седова. Светло-голубые глаза, но не выцветшие по-стариковски, а какие-то пронзительно светлые – несущие свет. Спецкурс по истории народничества, на котором холодная схема – агитация, пропаганда, заговор (Бакунин, Лавров, Ткачев) – наполнилась жизнью и заиграла яркими красками блестящих личностных характеристик. Слушая Седова, мы засиживались гораздо дольше отведенного для занятий времени, и никто по своим молодым делам не торопился. Очень уж было интересно, что он расскажет еще, какую еще цитату выудит из стопки листочков, заполненных мелким уборым почерком. Записывать старались слово в слово – такого ни в одном учебнике не прочитаешь! Эти лекции я храню до сих пор.

Да и сам лектор был личностью привлекательной и даже загадочной. По факультету ходили глухие слухи о его лагерном прошлом как «английского шпиона» и «отравителя колодцев». Многие слушатели спецкурса, наверное, шли, как сказал один из его учеников, «в первую очередь к Седову, а не к его героям» (с. 455). Студентам всегда важно, кто преподает. И особый интерес вызывают, конечно же, старики. У них за плечами опыт, их жизнь – уже история. Историю Михаила Герасимовича Седова расскажет читателю рецензируемая книга.

С первого взгляда на этот объемистый том становится ясно, что его герой прожил долгую, наполненную событиями жизнь. Ясно и то, что только незаурядный человек может удостоиться столь «увесистой» памяти. Издание отлично подготовлено: воспоминания и фотографии, статьи и документы, список трудов Седова и замечательная находка составителей – работы учеников Михаила Герасимовича, членов его «некарьерного семинара». Мне кажется, что главным плодом трудов университетского преподавателя являются не статьи и монографии, а именно ученики. Причем, не только их успехи и достижения на ниве исторических исследований. Истфак университета, как верно заметил Г.Ф. Матвеев, готовит не столько историков, сколько людей, способных к аналитической работе вообще (с. 390). Учитель же возвращает не просто профессионалов, он воспитывает людей. Отдавая ученикам не только знания, но и нечто гораздо большее – то, что оказывает влияние на формирование личности. Этот дар навсегда остается с теми, кому посчастливилось иметь настоящего Учи-

теля. И не важно кем они стали – историками, журналистами или политологами.

Чтобы получить представление о Седове, достаточно прочитать статью Е.Н. Мухиной. Это настоящее историко-биографическое исследование, в котором сведены воедино различные варианты сведений о Седове и сделана попытка дать этим расхождениям объяснение. Когда в руки историка попадает книга по специальности, он, прежде всего, смотрит на справочный аппарат – библиографию, сноски. В этом отношении статья Мухиной поражает. Кроме того, отступления о времени и людях, которые повлияли на становление Седова или просто шли рядом по жизни, вместе с ним переживая все перипетии эпохи, чрезвычайно важны для понимания главного героя книги. Не могу не отметить, с каким тактом рассматривается вопрос о комсомольско-партийной работе Михаила Герасимовича, – ведь сегодня молодым людям подчас непонятно, как мог тот или иной замечательный человек быть коммунистом. «О каждом человеке следует судить только в контексте той эпохи, в условиях которой происходило формирование его личности и протекала его деятельность, выявляя то, что этот человек мог воспринять и воспринял от эпохи, и то, чему стремился противостоять», – справедливо пишет автор (с. 76). Мухина не принадлежала к школе Михаила Герасимовича, не была членом «седовской секты», но считает его своим Учителем. Она подготовила также публикацию рецензии С.С. Волка на монографию Седова «Героический период революционного народничества», снабдив ее расшифровкой ссылок рецензента (что особенно ценно, если учитывать, с каких позиций и какими способами велась эта критика) и дополнив так и не увидевшим свет ответом Михаила Герасимовича. Той же исследовательской скрупулезностью отличается статья И.Н. Мухина, восстанавливающая историю МИФЛИ, где довелось учиться и работать Михаилу Герасимовичу.

О Седове вспоминают сын и ученики, коллеги по кафедре и факультету, историки, чьи научные интересы лежат, как и у Михаила Герасимовича, в области общественного движения пореформенной России. Мысли всех этих непохожих друг на друга людей роднит одно – глубочайшее уважение к Седову, человеку, всегда «адекватному самому себе» (с. 52), исследователю, который *понимал* своих героев. Именно так одна из студенток

сформулировала особенности концепции автора книги о «героическом периоде революционного народничества» (с. 115). Нельзя не согласиться с Е.Н. Мухиной, что это – самая высокая оценка профессионализма историка. Прав и Н.С. Борисов, заметивший, что «выбор темы исследователя обычно определяется складом ума и души историка» (с. 420). Герои Михаила Герасимовича ему духовно близки. И надпись на гранитном памятнике гласящая, что здесь похоронен «историк-народо-

волец», удивительно точно отражает сущность Седова – ученого и человека (с. 297). Нина Львовна Червонова, мать еще одного нашего Учителя, слишком рано ушедшего из жизни, не устает повторять: «Человек живет, пока его помнят». Михаила Герасимовича Седова помнят многие – значит, жить ему еще долго.

Е.И. Щербакова,
кандидат исторических наук